

Методология социокультурных исследований

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. МОСКА

МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

- I. Происхождение и цели политической науки.
- II. Почему выбрано это название.
- III. Экспериментальный метод и возникновение науки.
- IV. Различные способы применения этого метода в политической науке.

I. В течение многих веков в умах различных мыслителей появлялась гипотеза, что развертывавшиеся у них перед глазами социальные явления не случайны по своей природе и не есть следствие сверхъестественной и всемогущей воли, а проистекают из постоянных психологических закономерностей, которые обуславливают действия человеческих масс. Начиная с Аристотеля, предпринимались попытки открыть законы, которые управляют этими закономерностями, и формы, в которых они протекают, а исследование, посвященное этому предмету, получило название «политика».

В шестнадцатом и семнадцатом веках многие авторы, особенно в Италии, изучали политику¹. Тем не менее, они, начиная с самого известного из них — Макиавелли, занимались не столько выявлением этих, уже

* Впервые опубликовано в журнале «Личность. Культура. Общество» (2001. Т. 3. Вып. 3. С. 149-155). Перевод выполнен по изданию: *Mosca G. La classe politica*. Milano, 1996. Часть I. Глава I.

¹ Феррари в своем «Курсе по итальянским политическим писателям» (Milano, 1862) насчитал их несколько сотен, и почти все из них относятся к названному веку.

указанных нами, неизменных и присущих всем человеческим обществам закономерностей, сколько изучали искусство, благодаря которому человек или класс людей могли в данном конкретном обществе завоевать высшую власть и защититься от тех, кто хотел посягнуть на нее. Речь идет о двух явлениях, которые, несмотря на определенное совпадение между ними, все же, в сущности — различны². Пример, который, как мы полагаем, будет очень уместным, покажет это лучше, чем длинное рассуждение. Политическая экономия изучает законы или постоянные тенденции, которые в человеческом обществе определяют производство и распределение богатства, но это знание никоим образом не тождественно искусству обогащаться и хранить богатство. Экономист высочайшей квалификации может быть реально абсолютно неспособным на то, чтобы нажить себе состояние, а банкиру, промышленнику, биржевому дельцу, которые, хотя и могут иметь некоторое представление об экономических законах, все же не нужно быть учеными, и им удается достаточно хорошо делать свое дело, даже если они полностью игнорируют эти законы.

II. В наши дни исследование, начатое Аристотелем, разделилось и специализировалось, так что вместо одной науки у нас есть целый ряд политических наук. Вместе с тем, была предпринята попытка синтезировать, обобщить достижения этих наук, что и привело к возникновению социологии. Специалисты по публичному праву, интерпретировавшие и комментировавшие позитивные законы, почти всегда пытались исследовать общие тенденции, которые управляли этими законами, и историки, описывавшие исторические события, частенько стремились из их изучения вывести законы, которые управляли ими и определяли их. Этим в античности занимались Полибий и Тацит, в шестнадцатом веке — Гвиччардини, в девятнадцатом — Маколей и Тэн. Философы, теологи, юристы, все те, кто прямо или косвенно ставил своей целью совершенствование человеческого общества и поэтому исследовал законы, которые определяют его организацию, могут — по крайней мере, отчасти — рассматриваться как ученые в области политических наук. Таким образом, добрую половину человеческого знания, всю ту необъятную массу интеллектуальных усилий, которые человек посвятил изучению своего прошлого, выяснению своего происхождения, изучению своей моральной и социальной природы, можно рассматривать как посвященные этим наукам.

² Различие между политикой как искусством правления (*Staatskunst*,) и политикой как наукой править (*Staatswissenschaft*) было обрисовано ХольцENDORFом, хотя и, по правде говоря, не очень точно и ясно, в двух первых главах его книги «*Principes de la politique. Introduction a l'etude du droit public contemporain*» («Принципы политики. Введение в исследование современного публичного права»). Перевод на фр. Лером. Hamburg, 1887.

Но среди политических или социальных наук только одна достигла к данному времени такой научной зрелости, что благодаря надежности и обилию полученных ею результатов она оставила все другие дисциплины позади за собой. Мы имеем в виду политическую экономию.

Действительно, в конце восемнадцатого века ряд глубоких умов отделил явления, связанные с производством и распределением богатств, от других социальных явлений, и, рассматривая их изолированно, им удалось определить многие из неизменных психологических законов или тенденций, которым они подчиняются. Все же если, с одной стороны, изоляция экономических явлений от предметов других социальных наук и особенно утвердившийся способ рассматривать их как независимые от явлений, которые касаются организации политической власти и объясняют быстрое развитие политической экономии, то, с другой стороны, это, возможно, является главной причиной того, что некоторые постулаты этой науки все еще являются дискуссионными. Таким образом, координируя собственные наблюдения с теми, что касаются иных сторон человеческой психологии, политическая экономия сможет сделать новые и решительные шаги вперед³.

Бесспорно, тем не менее, что невозможно исследовать закономерности, которые определяют организацию политической власти, не учитывая результатов, уже полученных политической экономией, этой ее уже достигшей зрелости наукой-сестрой. Мы назовем исследование выше-названных закономерностей, что и составляет предмет нашего труда, «политической наукой». Мы выбрали это наименование, потому что ранее оно уже было использовано в истории человеческого познания, потому что еще не вышло из употребления⁴ и также потому что новое название «социология», которое после Огюста Конта было принято многими, все еще не является достаточно определенным и точным и, в общем употреб-

³ В последние двадцать или тридцать лет появилась тенденция объяснять все политические события, которые происходили в истории человечества, исходя из изучения экономических явлений. В Италии эта дерзкая концепция была развита Лориа в книге «Экономическая теория политического устройства» (Togino, 1886). Как нам кажется, этот подход является чрезмерно односторонним и исключительным. Существуют социальные или политические явления, например, возникновение и распространение великих религий, возрождение некоторых наций, создание крупных военных монархий, которые нельзя объяснить исключительно изменениями в распределении богатства, или борьбой между капиталом и пролетариями, или же борьбой между движимым и недвижимым капиталом, как хотел бы того Лориа.

⁴ Оно было использовано, помимо уже цитировавшегося Хольтцендорфа, также и Блончли, Доннатом, Сколари, Брэхэмом, Шелдон-Амосом, Де Парье, Поллоком и другими авторами XIX и XX вв.

лении, подразумевает все социальные науки — как экономические, так и те, которые имеют своим предметом изучение законов преступности, вместо того, чтобы заниматься изучением явлений, которые, собственно, и специально называются политическими.

III. Наука всегда является результатом системы наблюдений, проделанных в отношении явлений определенного рода благодаря специальным усилиям и с помощью соответствующих методов и обобщенных таким способом, чтобы можно было установить бесспорные истины, которые являются недоступными для обыденного и всеобщего наблюдения.

Математические науки представляют собой самый простой и легкий пример показать то, как развивается научный процесс. Аксиома является результатом наблюдения, которое доступно для всех и истинность которого очевидна и для непосвященных; оперируя различными аксиомами, приходят к доказательству самых простых теорем, и, далее, соединяя положения, выведенные из этих теорем, с исходными аксиомами, приходят к более сложным теоремам, истинность которых для того, кто не имеет отношения к этим наукам, нельзя установить ни интуитивным, ни опытным путем. Это же происходит в физике и других естественных науках, но в них метод начинает усложняться новыми элементами: часто для доказательства истины, которую мы назовем сложной, то есть недоступной для первого взгляда, недостаточно собрать воедино много наблюдений, и в большинстве случаев те положения, которые в математике являются аксиомами, добываются здесь благодаря одному эксперименту или длительному опыту. И то, и другое имеет значение только тогда, когда осуществляется посредством специальных, выверенных методов и специально подготовленными людьми.

При возникновении отдельных наук подлинное научное развитие почти всегда обязано своим появлением удачным гипотезам, которые потом проверяются экспериментально и посредством наблюдения фактов и которые, в свою очередь, объясняют очень многие другие эксперименты и факты. Почти всегда длительный период господства эмпиризма, ошибочных систем, которые препятствовали объединению данных, собраны в отношении отдельных явлений, несовершенных и ошибочных методов наблюдения, предшествует подлинно научному периоду данной дисциплины. Так, в течение многих веков астрономия и химия развивались под покровом заблуждений и бредней астрологии и алхимии. Только после того как человеческий разум был утомлен за долгое время таким порядком вещей, обилие накопленных наблюдений, улучшение методов и материальных средств наблюдения, интуиция и долготерпение глубоких умов разработали вышеупомянутые удачные гипотезы и сделали возможной подлинную науку.

Из сказанного нами легко вывести, что при данном порядке вещей для получения подлинных научных результатов недостаточно того, что вытекает из системы наблюдений и экспериментов. Френсис Бэкон, как и, возможно, многие мыслители и авторы нашего времени, заблуждался по поводу абсолютной способности этой системы получить научное знание⁵. В конце концов, уже упомянутые астрология и алхимия были основаны на действительных или мнимых наблюдениях фактов и опыте: но метод наблюдения или, лучше сказать, точка зрения, которая все это направляла и обобщала, была в корне ошибочной. Знаменитый Мартин Дель Рио, когда писал свою книгу «*De disquisitione magicarum*»⁶, полагал, что опирается на наблюдение фактов, определяя различия между любовным, вредоносным и снотворным колдовством и описывая искусство и склонности ведьм и колдуний, и, более того, даже считал, что его опыт должен будет помочь ему открыть их и предохранившись от них. Думали, что исходят только из наблюдения фактов и предшествовавшие Адаму Смиту экономисты, которые связывали богатство наций с деньгами или с сельским хозяйством; на почти универсально признанные своими современниками факты и опыт опирался и так ярко описанный Мандзони Дон Ферранте, ученый, типичный для семнадцатого века, который хотел доказать посредством внешнего и по форме совершенно логичного и позитивного рассуждения невозможность заражения при контакте с большим бубонной чумой.

IV. Политическая наука, как мы полагаем, еще даже не вступила в период подлинно научного развития. Несмотря на то, что иной ученый, представляющий ее, может увидеть многое, что ускользает от внимания непосвященного, тем не менее, похоже, она еще не в состоянии предложить комплекс бесспорных истин, признанных всеми теми, кто посвящен в эту дисциплину, и еще в гораздо меньшей степени она обзавелась признанным всеми научным методом. Причины этого обстоятельства различны, но мы теперь воздержимся от развития нашей мысли в этом направлении. Скажем только, что, по всей видимости, их нужно связывать не столько с недостатком умов, размышлявших на политические темы, сколько со сложностью явлений, которыми они занимались, и прежде всего с почти полной невозможностью, что имело силу еще не-

⁵ Фрэнсис Бэкон, как известно, сравнивал опытный метод, которым, впрочем, пользовались задолго до него, с циркулем, который обещает даже руке, не имеющей необходимой сноровки, начертить правильный круг, то есть получить точные научные результаты (смотри Маколея, «*Essais politiques et philosophiques*» («*Политические и философские опыты*»), перевод Гизо, Париж, 1872, изд. Мишель Леви).

⁶ «О магическом изыскании». — *Прим. переводчика.*

сколько десятилетий назад, располагать достаточным по объему и точным знанием о фактах, из изучения которых можно было бы вывести представление о законах или постоянных тенденциях, которые определяют политическое устройство человеческого общества.

Несмотря на то, что мы можем считать их неполными или недостаточными, наш долг тем временем заключается в быстрой проверке различных методов или систем идей, с помощью которых и по сию пору проводятся исследования в политической науке. Некоторые из них еще не оформились и являются не чем иным, как лишь философским, теологическим или рациональным оправданием определенных типов политической организации, что было в течение веков важным делом и иногда является таковым и поныне. Таким образом, как мы увидим далее, одна из наиболее стабильных социальных тенденций заключается именно в том, чтобы объяснять и защищать посредством рациональной теории или веры в сверхъестественное форму существующего политического строя или же бороться с ней. Поэтому мы имеем политическую науку, служащую обществу, в котором в человеческих душах еще преобладает вера в сверхъестественное, и потому функционирование политических властей находит свое объяснение в воле Бога или Богов, и имели и имеем и другую политическую науку, которая стремится преподнести легитимные власти как результат свободного и спонтанного выражения народной воли, иначе говоря, большинства индивидов, которые составляют данное общество. Мы должны, тем не менее, заняться в первую очередь двумя из этих методов и систем политического наблюдения, которые имеют наиболее объективный и универсальный характер и стремятся найти законы, с помощью которых объясняется существование всего наблюдаемого в мире разнообразия форм политического устройства.

Эти два метода таковы: первый ставит политическую дифференциацию различных обществ в зависимость от варьирования окружающей среды и прежде всего климата страны, второй же связывает ее с присущими разным человеческим расам физическими и, вследствие этого, психологическими различиями. Один делает превалирующим в социальных науках фактор окружающей среды, другой — этнический и соматический факторы. Оба, бесспорно, являются очень важным компонентом в истории науки, а также и в современной науке, и имеют характер явно вполне позитивный и опытный, что и делает возможным исследование их истинного научного значения.

Перевод А.Б. Рахманова